Мистерия Грааля

Автор:
Юлиус Эвола

Мистерия Грааля

Юлиус Эвола

Образ Грааля будоражит умы европейцев уже не одну сотню лет. На его поиски отправлялись благороднейшие рыцари и простые мечтатели, снаряжали свои экспедиции могущественные ордена и великие правители. Что же искали они? Чашу, в которую была собрана кровь Христова, или камень, выпавший из короны Люцифера? Святыню или символ высшей власти над миром? Несомненно одно: Грааль есть символ величайшей тайны и открывший её изменится навеки. В путешествие по стопам тех, кто жаждал стать причастным этой тайне, приглашает читателя работа знаменитого итальянского эзотерика барона Юлиуса Эволы. Пресвитер Иоанн и германские императоры, Данте и Верные Любви, тамплиеры и розенкрейцеры предстают на страницах его книги в головокружительном калейдоскопе легенд о Граале, поиски коего суть подлинная инициатическая мистерия. Путь Грааля – путь кшатрия. Тот, кто пройдёт его, подобно избранным рыцарям Круглого Стола, приобщится к Божественному и обретёт истинное королевское достоинство.

Юлиус Эвола

Мистерия Грааля

© TERRA FOLIATA, 2013

* * *

Ермолай. Незаданный вопрос

Всякий текст, представляющий собой «исследование» в современном научном понимании, сравним со свежеиспечённым хлебом – тёплый, только что вышедший из печи авторских правок, он востребован, он утоляет голод искателей информации, питает споры знатоков хлебного дела и служит гарниром к другим научным блюдам, создатели коих каждый раз прикладываются к нему, размещая ссылку внизу страницы. Затем проходят дни и месяцы, выпечка черствеет, теряет свою гастрономическую ценность и, в конце концов, перестаёт вызывать аппетит даже у самых неразборчивых голодающих, становясь пригодной лишь для витрины булочной или бакалейной лавки, где ей уготовано место среди пластмассовых яблок и тыкв из папье-маше. Иными словами, подобные тексты с рождения обречены закончить свои дни среди макулатуры, обладающей «исторической ценностью»; такова их судьба и судьба их авторов.

Однако существуют тексты иного рода, благодаря выбранной перспективе, подбору фактов и выходящей далеко за плоскость страницы цели, способные сохранять свои питательные свойства и насыщать читателей на протяжении многих лет, подобно Граалю, коему и посвящена предлагаемая работа итальянского философа Юлиуса Эволы, и к каковой категории текстов сама эта работа, несомненно, принадлежит.

Умение выбирать наиболее высокую из возможных точку рассмотрения, умение подниматься над «историческим» и «политическим», над плоскостью материальных свидетельств и осколочных фактов, умение одним отточенным предложением рассекать завесу «здравого смысла», то есть унылый холст обывательской картины мира, открывая дорогу к подлинной реальности, – вот качества Эволы, кои, подобно золотой оправе, соединяют вместе жемчужины сведений, содержащихся в его книгах, и сами по себе представляют для внимательного читателя немалую ценность. Мистерию Грааля, что вполне обладает упомянутыми свойствами, следует отнести к той категории текстов Эволы, каковая условно может быть названа «анализом конкретной традиционной формы». Эта книга стоит в том же ряду, что и Герметическая традиция, Доктрина пробуждения, Йога могущества и Даосизм.

Как и в упомянутых исследованиях, говоря о Граале, Эвола привлекает богатый фактологический материал; использованной им библиографии может позавидовать любое академическое издание. Однако «привлекает» не означает «использует как основу».

Даже самые скрупулёзные и обширные современные исследования в области религиоведения и культурологии предпочитают простое перечисление фактов любой попытке их организации. Нынешние учёные испытывают страх на грани невроза перед самостоятельным выводом, ясной общей идеей, они смертельно боятся недвусмысленно выразить авторскую позицию, оправдывая такое отношение «свободой от тенденциозности» и «научной строгостью». Набор фактов, каким бы обширным он ни был, не может являться полным в принципе, а как неполный набор, он тенденциозен всегда. Перекладывая тенденцию в руки обстоятельств (т. е. перечисляя факты «доступные», «известные на данный момент», «обнаруженные в данной местности» и т. п.), автор по сути лишает себя авторства, он предлагает набор разноцветных камушков и сообщает, что потенциально существует мозаика, частью которой они могли быть. Это действительно так, однако, подобная разноцветная пригоршня не является произведением (ни публицистическим, ни научным) и сводит функцию исследователя к занятиям нумизматов и филателистов, составляющих свой «тематический» альбом. Именно такое времяпровождение в наши времена заслужило титул «строгой науки» и стало основным для академически сертифицированных собирателей. Однако задача автора и исследователя в подлинном смысле слова совершенно иная. Автор – прежде всего создатель плана, согласно которому он располагает факты таким образом, чтобы в результате получился осмысленный фрагмент картины мира, каковая всегда отражает авторскую идею, авторское мировоззрение, личность исследователя, поскольку без субъекта нет никакой картины и никакого мира. В свою очередь, без мировоззрения нет автора, есть только машинистка (и мировоззрение многих современных авторов скорее может быть названо его отсутствием). Таким образом, исследование Эволы, впервые опубликованное в 1937 г., отличается от остальных книг, посвящённых данному вопросу, коих существует немало, отличается в самом главном: оно представляет авторский взгляд на вещи, притом взгляд, укоренённый в традиционной метафизике.

Академические работы, посвящённые проблемам Грааля, каковые были изданы за прошедшие три четверти века, содержат новые исторические факты и ссылки на документы, о коих Эвола не имел представления на момент написания своей книги. И тем не менее, ничего существенного, что бы позволило зачислить его исследование в разряд «устаревших», они не представляют; наоборот, многие

моменты, которых Эвола касается вскользь, лишь намечая линию движения мысли, впоследствии получили развитие в других исследованиях и были снабжены соответствующей доказательной базой (при этом, как правило, без ссылок на опального философа).

Итак, Юлиус Эвола в книге Мистерия Грааля представляет свой взгляд на традицию, коя, как он совершенно справедливо отмечает, является по сути «сверхрелигиозной мистерией»,[1 - См. гл. 26.] своего рода интертрадиционным учением, объединяющим язычников, христиан и мусульман под единым флагом «искателей Грааля». Для Эволы совершенно очевидно, что средневековый миф, в центре которого находился магический предмет, именуемый Граалем, являет собой воплощение древней дохристианской гибеллинской традиции, чьи корни уходят в предыдущий эон. «Царство Грааля», описываемое в средневековых текстах, не имеет места на карте, его нельзя найти по желанию или добыть силой, это царство лишь даётся тем, кто достоин; по сути, речь идёт о символе священной Империи, о её мифологической репрезентации в терминах рыцарского эпоса.

Ключевым моментом мифа, в его самом раннем изложении в поэмах Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха на рубеже XII–XIII вв., является визит главного героя Персеваля (Парцифаля) в замок больного короля Амфортаса, где хранится Грааль: визит, дарованный ему судьбой, то есть самим Граалем. Персеваль ведёт себя согласно рыцарской этике, как он её понимает, как он был научен своим единственным на тот момент наставником, рыцарем Горнеманом (Гурнеманцем): он молчит и не задаёт «лишних вопросов» ни о природе чудесного явления, которому он стал свидетелем, ни о природе раны короля. Молчание сыграло с ним злую шутку: он не выдержал испытание и оказался недостоин оказанной ему высочайшей чести. Он должен был задать вопрос, восстановив таким путём здоровье Амфортаса и вернув царству Грааля былую славу. Не задав его, он утратил право занять место среди рыцарей Грааля, и дальнейший сюжет истории Персеваля составляет его попытка – удачная в итоге – исправить ошибку. Этот ключевой момент выглядит весьма странным на первый взгляд: не битва, а пиршество у гостеприимного хозяина становится главным испытанием для героя, что совсем не характерно для рыцарских романов. И если вопрос о чуде Грааля кажется вполне естественным в описываемых обстоятельствах, важность и уместность вопроса о ране короля далеко не так очевидна.

Многие критики трактуют упомянутое испытание как проверку на сострадание, на способность сопереживать человеку, пожертвовав нормами этикета. Отчасти это верно; однако речь идёт не о «простом человеческом сострадании», не о сострадании рыцарю Амфортасу, но о сопереживании ему как королю Грааля, пребывающему в ослабленном и болезненном состоянии вследствие раны, нанесённой ему копьём, истинная (эзотерическая) причина которой должна быть выявлена и осознана, ибо только посредством этого осознания она может быть излечена, а царство восстановлено. «Вопрошание тождественно постановке проблемы»,[2 - См. гл. 23.] – отмечает Эвола, и проблема эта составляет не только движитель сюжета названных произведений, но и подлинный мотив, подвигнувший авторов на их создание. Задача, которая стоит перед читателем, взявшимся за книги де Труа или фон Эшенбаха, не отличается от испытания Персеваля на обеде у Амфортаса: сидя в удобном кресле с чашкой кофе и книгой в руках, он должен не просто приятно провести вечер, но осознать сущность in?rmitas[3 - Ущербность, недостаток (лат.); к этому слову этимологически восходит имя Амфортас.] короля Грааля, понять сердцем судьбу его царства, невидимой священной Империи. Не задав свои вопросы, читатель лишь развлечёт себя рыцарскими приключениями, упустив шанс войти в древнюю традицию, ненадолго приоткрывшую дверь для искателей восемь веков назад и оставившую потомкам ключ от неё в виде художественных текстов. Предлагаемая работа Юлиуса Эволы может стать хорошим подспорьем, позволяющим увидеть истинную подоплёку рыцарской саги о Граале и сущность проблемы, кою предстоит решить для себя каждому читателю. Книга итальянского мыслителя ни в коем случае не заменяет произведения средневековых авторов, не служит их «адаптацией» или рефератом – так же, как его Герметическая Традиция не заменяет упоминаемые в ней алхимические тексты, а Йога могущества – тексты Тантры. Эвола даёт нам замечательные по своей глубине и лаконичности репрезентации традиций, кои могут помочь современному человеку «войти» в них и научиться самостоятельно читать и понимать их документальное наследие.

У мифа о Граале есть три истока, кои автор добросовестно упоминает в тексте книги. Так, совершенно очевидны кельтские «языческие» корни легенды. Священные предметы, вокруг которых строится сюжет романов о Граале (а также других произведений артурианского цикла), включают в себя чашу, камень,[4 - Грааль выступает то как чаша, то как камень в различных контекстах.] копьё и меч. Все четыре предмета перечисляются в самом начале ирландского эпоса, посвящённого второй битве при Маг Туиред: «На северных островах земли были Племена Богини Дану и постигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со

всего света… Из Фалиаса принесли они камень Лиа Фаль, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королём, кому суждено было править Ирландией. Из Гориаса принесли они копьё, которым владел Луг. Ничто не могло устоять перед ним или пред тем, в чьей руке оно было. Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уж не мог от него уклониться, и был он воистину неотразимым. Из Муриаса принесли они котёл Дагды.[5 - См. Cath Tanaiste Maige Tuired. Сохранившаяся рукопись относится к XVI в., однако, есть основания считать, что представленный в ней текст создавался в IX–XII вв.] Не случалось людям уйти от него голодными». С другой стороны, более поздние интерпретации легенды значительно усиливают христианский элемент мифа, присутствующий у фон Эшенбаха и де Труа, и отождествляют чашу Грааля с кубком Тайной Вечери и сосудом, куда была собрана кровь Христа после того, как бок его был пронзён копьём Лонгина. Следует обратить внимание на тот факт, что подобные интерпретации нельзя рассматривать как «искажения», это скорее временные модификации традиции, которые имеют под собой основания, коренящиеся в эзотерическом символизме самого христианства.

Наконец, третьим источником, каковой может быть условно назван «мусульманским», является иранская традиция, в которой важнейшую роль играет понятие хварны – «объекта, коий… символизирует и воплощает идущую от небес царскую власть, объекта, обладающего аспектами магического камня, королевского камня и камня победы, а также чаши: все эти аспекты мы в равной мере обнаруживаем и в Граале».[6 - См. гл. 14.] Здесь мы сталкиваемся с одним из тех моментов, которые оговорили выше и на которые следует обратить внимание современному читателю: во второй половине XX в. попытки междисциплинарных исследований, связанных с Граалем, привели учёных к весьма интересным выводам, коих нет в книге Эволы, но зерно каковых, несомненно, в ней присутствует. Мистерия Грааля содержит главу, посвящённую связи рассматриваемой традиции с герметизмом, и главу, посвящённую «Верным Любви» – ордену, к которому принадлежали Данте, Кавальканти, Петрарка и другие выдающиеся представители итальянского Средневековья. Как сейчас становится ясно, упомянутое Эволой родство гораздо более глубоко, чем может показаться на первый взгляд, и герметическая традиция в этом контексте выступает как единый предок или ствол, ветви которого протянулись в различные культуры и времена.

В 1965 г. Генри и Рене Кахейн опубликовали замечательную книгу под названием Кратер и Грааль: герметические истоки Парцифаля.[7 - Henry and Rene Kahane, The Krater and the Grail: Hermetic sources of the Parzival. University of Illinois Press; Urbana, 1965.] Поэма Вольфрама фон Эшенбаха своими ключевыми

моментами и заложенными в тексте философскими идеями демонстрирует поразительное сходство с основным документом герметизма – Corpus Hermeticum, в особенности с его четвёртой главой, носящей название K????? (то есть «кубок» или «чаша»), каковому сосуду в европейской традиции соответствует священный Грааль. Отшельник Треврицент, подлинный инициатор Парцифаля в поэме фон Эшенбаха, знакомство с которым подготовило героя ко второй, успешной встрече с Граалем, как показывают авторы, фактически является аватаром Гермеса; его имя происходит от treble-escient, то есть «трижды-мудрый» – дословный перевод титула «Трисмегист», коим традиционно наделяют автора Изумрудной Скрижали.[8 - См. The Krater and the Grail, pp. 61-63.] Треврицент обучает Парцифаля не только «истинному писанию» (w?ren buoch), но также «науке звёзд» и знанию трав;[9 - Ibid.] его «языческая» мудрость выходит далеко за пределы христианского канона. Загадочному lapsit exillis, упоминаемому фон Эшенбахом,[10 - «Грааль – это камень особой пор оды: Lapsit exillis – перевода На наш язык пока что нет. Он излучает волшебный свет…» (пер. Л. Гинзбурга).] каковое искажённое латинское название имеет множество толкований (и большинство из них приводит в своей работе Эвола), авторы ставят в соответствие камень μ??????? ????? (то есть «магнит»), упоминаемый в Герметическом Своде в связи с созерцанием божественного: «оно притягивает и оно привязывает, как магнит притягивает железо».[11 - Corpus Hermeticum, IV, 11 (пер. Богуцкого). «Киот, продолжая со мной беседу, Сказал, что нашёл в знаменитом Толедо Сие удивительное сочинение В первоначальном его изложении. На арабском писано языке, Оно хранилось в тайнике…» (пер. Л. Гинзбурга).] Читая lapsit exillis как lapis exilis, то есть как «презренный камень», авторы справедливо замечают, что подобная характеристика магнитного железняка часто употреблялась в период написания Парцифаля. Однако они не упоминают (вероятно, вследствие недостаточного знакомства с соответствующим корпусом текстов) тот факт, что «презренным камнем» в средневековых алхимических трактатах традиционно назывался Камень Философов – тот самый, который, будучи очищен от своей «проказы», приобретает достоинство lapis philosophorum, конечной цели герметического пути.

Авторы Кратера и Грааля в своём исследовании весьма убедительно доказывают, что упоминаемый фон Эшенбахом загадочный Киот,[12 - См. The Krater and the Grail, pp. 122-127.] поведавший ему историю Грааля, коего раньше ошибочно отождествляли с Гийомом Прованским, на самом деле – Гийом из Туделы (Guillot de Tudela, 1199-1214), автор Песни об Альбигойском Походе, а также знаток герметизма, астролог и геомант (в этой связи читателю стоит обратить внимание на эпизод в истории Парцифаля, когда тот погрузился в

глубокий транс, созерцая три капли крови на белом снегу). И всё же утверждение Вольфрама, что рукопись подлинной истории сына Гамурета, будто бы найденная Киотом в Толедо, была арабской, не удостаивается того внимания в книге американских учёных, коего несомненно заслуживает. Здесь снова сказывается недостаток «междисциплинарных» знаний; специалисты по средневековой литературе и «высокому герметизму» (что само по себе явление редкое), авторы не могут похвастаться знакомством с ближневосточной традицией, и эту лакуну сумел восполнить только Анри Корбен, выдающийся европейский исследователь ислама, человек, погружённый в Традицию и понимающий смысл её внутренних учений. В работе Свет Славы и Святой Грааль он указывает, что для Сохраварди, иранского философа и мистика XII в., Гермес был «отцом всякой мудрости». Традиция, кою представляет Сохраварди, возникла на стыке герметизма, ислама и зороастрийской религии. Как отмечает автор, «Гермес, Кай Хосрау и Заратуштра представляются нам в равной степени посвящёнными и мистагогами Света Светов, Света Славы, который упоминается у Сохраварди под традиционным иранским названием хварна». Сохраварди был суфием и современником великого суфийского мистика Рузбехана (1128-1209), автора Kit?b-e ‘Abhar al-’?shiq?n, основного текста суфийской школы «Верных Любви». Именно это учение легло в основу ордена Fedeli d’Amore, членами которого были Данте и Петрарка и связь которого с легендой о Граале упоминает Эвола.

Таким образом, история магического Камня-чаши, пересказанная Вольфраму фон Эшенбаху Гийомом Тудельским на основе арабской рукописи, является плодом синтеза герметизма, шиизма и зороастрийства, попавшим на благодатную почву европейской рыцарской традиции, удобренной идеями гностического христианства и язычества, и проросшим бессмертными поэмами цикла Грааля. Эпопея «пронзающего чащу [материи]» (Perce-val) – великий миф Средневековья, играющий в европейской культуре не меньшую роль, чем греческие мифы, и в не меньшей степени способный открыть перед теми, кто отважится его прожить, путь в трансцендентное. Этот сплав эзотерических учений многих народов и культур является поистине космополитическим, он не может быть ассимилирован ни одной религией, не может быть присвоен ни одним народом; подобно самому Граалю, он пребывает в сокрытии от досужих взглядов публики, вдали от всего обыденного и плоского, ограниченного рамками догм, конфессий, национальных культур и интеллектуальной моды. Учение сие притягивает как магнит, lapis exilis, того, кто готов отправиться в путь за Светом Светов, захватив с собой несколько хороших дорожных карт, одной из которых, несомненно, является эта книга.

Часть I. Приближение к мистерии Грааля

Глава 1. Литературный предрассудок

Всякий, кто желает постичь суть рыцарских романов и эпических сказаний, к каковым принадлежит и цикл Грааля (а равно и многие другие сходные и родственные произведения), должен отринуть ряд предрассудков, первый из коих мы зовём предрассудком литературным.

Мы имеем в виду предубеждение, каковое демонстрируют те, кто рассматривает романы и легенды как фантастические и поэтические произведения, дело рук человеческих, принадлежат ли они перу одного автора или группы лиц; подобные люди отвергают всё, что могло бы обладать высшей, символической ценностью и что нельзя принять за продукт субъективного творчества. Однако именно этот символический, объективный и надиндивидуальный элемент и составляет сердцевину саг, легенд, мифов, героических и эпических сказаний мира традиции.[13 - Дабы понять специфическое значение, каковое мы придаём выражению «мир традиции», отсылаем читателей к двум другим нашим работам: Восстание против современного мира и Личина и лик современного спиритуализма. Аналогичный смысл придавали ему Р. Генон и его последователи.] Указанный элемент не всегда вносился автором совершенно умышленно. Наиболее важные и существенные элементы, особенно в случае наполовину коллективного творчества, практически бессознательно выражались авторами, не отдававшими себе отчёт в том, что действуют, повинуясь неким влияниям извне, каковые в определённые моменты использовали непосредственное намерение или творческий порыв отдельных лиц или групп, дабы достичь собственных целей.

Таким образом, даже в тех случаях, когда кажется, что на передний план выходят спонтанные, поэтические или фантастические моменты, они, тем не менее, выступают лишь как условное прикрытие и средство выражения, на каковом может задержаться только поверхностный читатель. Некоторые авторы намеревались создать просто художественное произведение и действительно добивались в этом такого успеха, что их творчеством наслаждались те, кто

разбирается в эстетике произведения и вполне может её оценить, но и только. Однако это не означает, что в своих «художественных произведениях» и творческих порывах они не выразили нечто большее, сумев сохранить и передать или даже актуализировать высшее содержание, каковое всегда под силу распознать опытному глазу. Некоторые из них, несомненно, были бы шокированы, если бы им ясно указали на то, что именно так и обстоит дело с их собственными произведениями.

Тем не менее, авторы творений, опиравшихся на легенды и традиции, зачастую не осознавали, что имеют дело с чем-то выходящим за пределы простого искусства и фантазии, хотя почти всегда у них возникало смутное ощущение масштабов тех тем, каковым они отводили центральное место в своих произведениях. Художественный замысел, проистекая из сферы индивидуальной психологии, распространялся на область саг и легенд, то есть область периферийного сознания и даже далее, в зону более тонких, более глубоких и более значимых влияний. Так, с психоаналитической точки зрения, сны относятся к тем состояниям, в которых подобные влияния, подавленные или вытесненные из бодрствующего сознания, напрямую подчиняют себе силу воображения, обретая символическое выражение. Обычное сознание воспринимает последние, не постигая их подлинного содержания. Чем более необычными и неясными кажутся эти символы или фантазмы, тем более имеется оснований, чтобы подозревать существование скрытого, разумного и значимого содержания.

Именно таким образом во многих случаях следует воспринимать саги, легенды, героические сказания, мифы и даже волшебные сказки. И зачастую происходит так, что наиболее фантастический, странный, невероятный и неясный момент, который имеет наименьшую эстетическую или историческую ценность, – и на который в результате, как правило, не обращают внимания, – в конечном счёте даёт наиболее важный ключ, позволяющий понять центральный элемент, каковой придаёт произведению его истинный смысл, а порой и высшее историческое значение. Согласно выражению, свойственному одной традиции, связь которой с Граалем будет проиллюстрирована в дальнейшем, «когда я говорил о нашей науке туманно и загадочно, я говорил о ней наиболее ясно и открыто». Римский император Юлиан писал: «Если мифы говорят о божественном вопиющие нелепости, то это свидетельствует лишь о том, что мифам не следует верить прямо, но должно разыскивать и рассматривать в них сокрытое».[14 - Юлиан. К Ираклию кинику. [Цит. по: Император Юлиан. Сочинения. – СПб., 2007. С. 232. – Прим. пер.].]

Итак, это первый предрассудок, каковой необходимо отринуть. Данный предрассудок влияет на интерпретацию средневековых романов и в особенности произведений Верных Любви (Fedeli D’Amore). Из-за преобладания художественных и поэтических элементов, каковые служили в качестве прикрытия, многие расценивают как иконоборчество всякие попытки дать внелитературное истолкование произведениям подобного рода, а именно, любому стремлению проникнуть в мистерию этой поэтической литературы. Такие попытки связаны не только с влияниями, стоявшими у истоков цикла Грааля, но и с организациями, каковые действовали «за кулисами» истории.

Глава 2. Этнологический предрассудок

Второй предрассудок, каковой необходимо преодолеть, – предрассудок этнологический. В основном он имеет отношение к тем изысканиям, чья цель – выявить многочисленные скрытые корни того цикла легенд, к которому принадлежит и сказание о Граале. Подобные исследования оказались не в состоянии обнаружить в них ничего, кроме фрагментов фольклора и древних примитивных народных верований. В связи с этим следует внести некоторую ясность, поскольку упомянутые элементы в традиции Грааля действительно имеют место. Более того, они служат звеном, восстанавливающим связь между историческим аспектом, свидетельствующим о том, что данная традиция жива и действенна, и сверхисторическим и инициатическим аспектами легенды о Граале.

Прежде всего, необходимо распространить до коллективного уровня относительность «творческого» аспекта, который нами уже рассматривался ранее в контексте творчества индивидуального, поскольку большинство людей видит в фольклоре спонтанное народное творчество либо продукт коллективной фантазии, замешанный на суевериях, каковой, по большому счёту, необходимо рассматривать как некую причуду. Находясь во власти подобного предубеждения, так называемые этнологические школы, подобно психоаналитическим течениям, изучающим «коллективное бессознательное», принялись за различные исследования, каковые всегда сводятся к систематическому пагубному низведению высшего и превосходного к низшему и мелкому.

В этой связи мы вынуждены не согласиться с самим понятием «примитивности», каковую сегодня приписывают некоторым народным традициям. Далеко не будучи «примитивными» (т. е. изначальными), подобные традиции в большинстве случаев суть не что иное, как выродившиеся остатки того, что восходит к древнейшим эпохам цивилизации. Таким образом, наше мнение совпадает с оценкой фольклора Геноном, каковой писал, что «практически повсеместно мы встречаемся с традиционными элементами в истинном смысле слова, хотя они и имеют ослабленный, деформированный и фрагментированный характер. Эти элементы обладают подлинной символической ценностью и, таким образом, вовсе не являются порождением не только народного, но и вообще человеческого разума; народным является лишь факт их «выживания», с учётом того, что указанные элементы принадлежат традициям, прекратившим существование.

Эти угасшие традиционные формы уходят в такое отдалённое прошлое, что его даже затруднительно определить, в прошлое, принадлежащее, таким образом, туманной области предыстории. В данном случае народ действует как носитель своего рода более или менее бессознательной коллективной памяти, содержание которой происходит из какого-то иного источника».[15 - R. Guenon, «Le Saint Grail», Le Voile d’Isis (1934), 47-48.]

В равной мере мы разделяем точку зрения Генона и тогда, когда он разъясняет тот необычный факт, что народ в подобных случаях выступает носителем множества элементов, принадлежащих более высокому уровню, например, сфере инициатического, а значит, уровню, по сути своей, «нечеловеческому»:

«Когда традиционная форма начинает угасать, её последние представители могут намеренно доверить коллективной памяти то, что в ином случае было бы утеряно. Иными словами, это единственный способ спасти то, что ещё может быть спасено. В то же время, естественное недопонимание массами служит достаточной гарантией того, что то, что обладает эзотерическим содержанием, не будет утрачено, но продолжит существование как своего рода свидетельство прошлого для тех, кто в последующие эпохи окажется способен это усвоить».[16 - Ibid.]

Это последнее наблюдение особенно оправданно, когда речь заходит об элементах якобы «языческого» нордическо-западного фольклора, каковые присутствуют в легендах о Граале и короле Артуре. Оные элементы, будучи надлежащим образом интегрированы (т. е. соотнесены со своим изначальным

символическим значением посредством традиционных и даже межтрадиционных сопоставлений), явят подлинный смысл некоторых связанных друг с другом романов и эпических поэм.

Эти произведения представляли особую значимость для мира средневекового рыцарства и имели отношение к имперскому идеалу гибеллинов, а также к различным тайным традициям и организациям, кои, в той или иной форме, восприняли духовное наследие данного идеала.

Таким образом, мы можем видеть чёткую разницу между подобным подходом и уже упоминавшимися психоаналитическими теориями подсознания или коллективного бессознательного, каковое стало для них своего рода «сундуком со старьём», в котором есть всё, что угодно, и это всё, так или иначе, рассматривается в терминах «жизни», «атавизмов» или «иррационального». То, что подобные теории именуют исключительно «бессознательным», следовало бы скорее относить к сфере сверхсознания. Просто нелепо относиться к мифам и символам как к проявлениям или архетипам «жизни», с учётом того, что они обладают, по сути своей, метафизической природой и с «жизнью» не имеют ничего общего, если только речь не идёт об их пустых оболочках. Бессмысленно было бы утверждать, как то делают К. Г. Юнг и Рихард Вильгельм,[17 - Предисловие К. Г. Юнга и Р. Вильгельма к Тайне золотого цветка.] что любой позитивный анализ должен ограничиваться изучением проявлений «бессознательного», понимаемого как чистый опыт, лишённый какой бы то ни было связи с трансцендентными элементами.

В действительности, когда отсутствуют надёжные точки опоры, у человека нет никакой надежды на то, что он сможет сориентироваться в разнородном опыте, понять и оценить его, особенно когда опыт в целом полностью отождествляется с некоторыми отдельными своими проявлениями, которые порой даже определяются патологическими факторами. Это прекрасно иллюстрируется результатами многоразличных психоаналитических интерпретаций. Все попытки подобного рода не способны подняться до духовного уровня. Более того, даже когда они не ведут в субнормальный мир неврастении и истерии, приводя к отклонениям, описанным Фрейдом в работе Тотем и табу, тем не менее, они вызывают (как в случае теории Юнга об «архетипах») спутанные ощущения, находящиеся под сильным влиянием нового суеверного культа «витального» и «иррационального», свидетельствуя тем самым не столько об отсутствии принципов, сколько об ошибочности таковых.

Глава 3. О традиционном методе

Помимо всего прочего, необходимо отказаться от тенденции выводить фундаментальные образы легенд о Граале и имперского мифа исключительно из отдельных исторических событий, предполагая наличие внешних причин и эмпирических связей. Согласно общераспространённому мнению, сказание о Граале есть по сути своей христианская легенда.[18 - A. Nutt, Studies on the Legend of the Holy Grail, London, 1888. Также J. Marx, La Legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952.] Некоторые, напротив, выдвигали гипотезу о его кельтско-языческом истоке;[19 - L. von Schroeder, Die Wurzel der Sage vom heiligen Gral, Vienna, 1910.] другие более склонялись к индокитайскому происхождению, тогда как третьи отстаивали версию о сирийских мотивах,[20 - L. E. Iselin, Der morgenlandische Ursprung der Grallegende, Halle, 1909.] а кто-то возводит его к алхимии.[21 - R. Palgen, Der Stein der Weisen, Breslau, 1922.] В иных случаях Грааль не только связывали с доктринами катаров и древних персов, но даже пытались идентифицировать персонажей легенды и описанные в ней исторические места (согласно некоторым, это Франция, согласно другим – Иран).

Не имеет значения, насколько оправданы подобные сопоставления, важен дух, коим они руководствуются. Характерная черта того метода, каковой мы именуем «традиционным» (в противоположность профаническому, эмпирическому и критико-интеллектуальному методу современных исследований), заключается в особом акценте на универсальном характере символа или учения и в сопоставлении его со сходными символами, обнаруживаемыми в иных традициях, что позволяет выявить наличие чего-то такого, что в равной мере превосходит любое из этих проявлений, которые отличаются друг от друга, будучи в то же время равноценными, и предшествует им. Поскольку отдельная традиция по сравнению с прочими может более полно, чётко и ясно выражать некое общее значение, поиски соответствий между ними есть, следовательно, один из наиболее плодотворных путей к пониманию и интеграции того, что в иных случаях предстаёт в неопределённой и фрагментарной форме.

Именно упомянутому методу мы намерены следовать, хотя у современных учёных он не в почёте. Их, прежде всего, занимают не подлинные соответствия, но туманные сопоставления.

Иными словами, они изучают эмпирические и всегда неопределённые обстоятельства материальной передачи тех или иных идей или легенд от одного народа к другому, от одних литературных произведений к другим, игнорируя тем самым тот факт, что везде, где мы обнаруживаем влияния, относящиеся к уровню более глубокому, нежели лишь сфера индивидуального сознания, соответствующая трансляция может происходить также и неординарными способами, то есть без особой временной и пространственной обусловленности и внешних исторических связей. Кроме того, любое сравнение в современных исследованиях подобного рода завершается лишь смещением перспективы, а не её расширением. К примеру, когда учёный находит соответствие ряда сюжетов легенды о Граале с теми, что обнаруживаются, скажем, в персидской традиции, это расценивается им, как «открытие подлинных истоков», и, в итоге, он гордо объявляет миру, что «Грааль есть персидский символ»! Обнаруженная взаимосвязь не помогает ему прояснить одну традицию посредством другой или осмыслить одну традицию в универсальном, метафизическом и сверхисторическом контексте, каковой может стать более очевидным при обращении к соответствующему символу, наличествующему в другой. Иначе говоря, благодаря случайному изменению перспективы всё сводится к двухмерной модели. В итоге, ускользает от внимания важный момент, который, более всех прочих, мог бы помочь перейти от двух поверхностных измерений к третьему, глубинному, который может выступить ключом или центральным ориентиром при анализе всего имеющегося материала.

Теперь нам бы хотелось дать ещё одно пояснение касательно попыток истолковать легенду о Граале при помощи обращения к историческим фигурам и событиям, учитывая, что сходные устремления существовали и в отношении прочих легенд, имеющих к ней значимое отношение (в частности, сказаний о короле Артуре и пресвитере Иоанне).

В целом, в указанных попытках можно различить так называемую евгемеристическую тенденцию, принятую современными учёными в силу своего необоримого стремления низводить высшее к низшему везде, где это возможно. Согласно их точке зрения, герои мифов и легенд суть лишь абстрактные проекции исторических фигур, в конечном счёте, вытеснившие последних, превратившись в фантастических персонажей. Однако истина состоит в обратном: в символах и мифах нашли своё отражение реальности высшего, архетипического порядка. Может случиться так, что в ходе исторического процесса определённые организации или личности станут воплощениями указанных реальностей. Когда такое имеет место, история и сверхистория пересекаются и сливаются в единое целое; тогда человеческая фантазия может

инстинктивно наделить эти личности или организации мифическими чертами, поскольку реальность некоторым образом стала символом, а символ – реальностью. В подобных случаях евгемеристическая интерпретация тотально искажает подлинную взаимосвязь. Здесь первичным элементом является именно миф, каковой, таким образом, должен рассматриваться как отправной пункт, тогда как исторический персонаж или обстоятельство суть лишь одно из возможных и обусловленных проявлений высшего порядка вещей.

В других своих работах мы продемонстрировали подлинный смысл якобы абсурдных и случайных взаимоотношений, которыми в легендах связаны различные исторические персонажи. Указанные отношения устанавливались, несмотря на то, что эти лица с исторической точки зрения не имели друг с другом ничего общего ни в пространстве, ни во времени, поскольку они бессознательно воспринимались как равновеликие воплощения одного и того же принципа или функции. Аналогичны и основания, на которых строились некоторые генеалогии, каковые на первый взгляд кажутся не менее экстравагантными: легендарная родословная была фигуральным выражением духовной общности, реальность которой могла не зависеть от биологической преемственности в пространстве и времени. По сути, именно с такой точки зрения следует рассматривать родословную королей Грааля, Лоэнгрина, короля Артура, пресвитера Иоанна, Гелиаса и других. Более того, именно подобные идеальные ситуации, проистекающие из вышеупомянутого пересечения истории и сверхистории, дают нам фундаментальный ключ к пониманию происхождения и значения легенды о Граале и тех её элементов, которые возвращают нас не только к сверхисторической идее Империи, но также и к одному из её проявлений в западном мире эпохи Средневековья.

Глава 4. Исторический контекст мистерии Грааля

Если тексты, составляющие цикл Грааля, рассматривать по отдельности, то можно обнаружить, что в них повторяется несколько основных сюжетов, связанных с символизмом рыцарства и его деяний. Здесь мы сталкиваемся с преобладанием тем мистического центра, странствия в поиске (quest) и духовного испытания, наследования королевской власти или её восстановления, каковые порой соотносятся с мотивами исцеления или мести. Парцифаль, Гавейн, Галахад, Ожье, Ланселот и Передур по сути своей – лишь различные имена, даваемые одному и тому же человеческому типу; в равной мере, король

Артур, Иосиф Аримафейский, пресвитер Иоанн и Король-Рыбак суть эквивалентные фигуры и различные варианты иного образа. Также тождественны описания всевозможных таинственных замков, островов, королевств и недосягаемых опасных земель, каковые в повествовании следуют друг за другом, что, с одной стороны, придаёт ему странную, сюрреалистическую окраску, а с другой, зачастую делает его монотонным.

Мы уже отмечали, что всё это имеет или может иметь характер «мистерии» в инициатическом смысле слова. Но в той специфической форме, в которой всё это выражено в цикле Грааля, мы должны увидеть пример наложения на историческую реальность сверхисторической, каковой связывает символы этой мистерии со смутным, но живым ощущением того, что её подлинная реализация требовала разрешения, как в духовной, так и в мирской сфере, кризиса целой эпохи, а именно, вселенско-имперского Средневековья.

Именно такая специфическая ситуация даёт начало циклу Грааля. Обращение к изначальным и сверхисторическим мотивам пересекалось с подъёмом исторической традиции к точке равновесия, вокруг которой собирался и кристаллизовался материал различной природы и происхождения, будучи объединён способностью выражать общую тему. Таким образом, нам необходимо, исходя из идеи фундаментального внутреннего единства различных произведений и различных символов, персонажей и их приключений, приступить к поискам скрытых возможностей одного произведения интегрировать в себя и продолжить другое, пока, наконец, не получим всеобъемлющего представления об основных темах. Сопоставление подобных мотивов с их универсальным, межтрадиционным значением и всеобщей метафизикой истории было бы повторением того, что мы попытались предпринять в иной свой работе;[22 - См. нашу книгу Восстание против современного мира.] здесь же нам стоит ограничиться лишь указанием на те моменты, что являются наиболее существенными для постижения как исторического, так и сверхисторического значения мистерии Грааля.

Часть II. Принципы и важнейшие влияния

Глава 5. Олимпийский цикл

Согласно принятой нами точке зрения, то, что у различных народов выступало в качестве подлинной традиции, не есть нечто относительное, обусловленное внешними или чисто историческими обстоятельствами. Наоборот, оно всегда служит свидетельством наличия элементов уникального по сути своей знания, элементов, кои всегда носили характер констант.

Традиционное учение, независимо от принимаемых им форм, всегда и везде утверждало существование изначальной расы, наделённой трансцендентной духовностью, по причине чего раса сия зачастую рассматривалась как божественная или «подобная богам». Мы называем эту расу олимпийской, намереваясь подобным обозначением подчеркнуть присущее ей превосходство, её, по сути, сверхъестественную природу. Сила свыше наличествует в ней как «присутствие», предназначая эту расу к правлению, к исполнению королевской функции, делая её расой «тех, кто есть» и «тех, кто может», порою именуемой солнечной расой.

Представление о Золотом Веке, которое можно найти во многих традициях, есть отдалённое воспоминание об этой расе. С тех пор, как однажды то, что было некогда явным, стало сокрытым, у народов также возникло сверхисторическое понимание роли и назначения, места и происхождения данной расы. Вследствие прогрессирующей инволюции человечества, о коей также упоминают некоторые традиции, её деяния постепенно стали невидимыми, и таким образом, прямой контакт между историческими и сверхисторическими элементами оказался разорван. Именно об этом, к примеру, учил Гесиод, согласно коему, существа изначальной эпохи никогда не умирали, но, скорее, приняли незримую форму, дабы руководить смертными.[23 - Гесиод. Труды и дни.] Так тема Золотого Века превратилась в тему метафизического царства, с коим таинственным, объективным и онтологическим образом связаны все правители, «отмеченные свыше», как те, кто был подлинными наследниками изначальной традиции, так и те, кто с той или иной степенью совершенства и более или менее осознанно воспроизводили изначальный тип царства (regnum) в рамках данной страны и цивилизации. Так традиционные представления о невидимом «Царе Царей», «Правителе Вселенной» или «Царе Мира» оказались переплетены с особыми символами, некоторые из коих непосредственно основываются на аналогиях, тогда как прочие суть мифологизированные воспоминания о земле или землях, где разворачивался олимпийский цикл.

Символы эти, прежде всего, выражают идею центральности: центр, полюс, область в центре земли, центральный камень или основание, магнит. Кроме того, это символы стабильности: остров, окружённый водами, скала, непоколебимый камень. И, наконец, это символы несокрушимости и недоступности: невидимый замок или страна, куда нельзя найти дорогу, крутая горная вершина, подземные территории. Также это образы «Земли Света», «Земли Живых», «Святой Земли». Помимо прочего, здесь имеют место все варианты символизма золота, каковой, с одной стороны, сопряжён с представлениями о солнечности, свете, царственности, бессмертии и непорочности, с другой, он всегда некоторым образом связан с изначальной традицией и эпохой, именуемой золотой. Иные символы указывают на «жизнь» в высшем смысле слова (например, «пища вечности», «Древо Жизни»), трансцендентное знание, незримую силу; все эти образы являют себя в самых различных сочетаниях, дающих фантастические, символические или поэтические репрезентации для той или иной традиции указанной неизменной темы невидимого царства и Высшего Центра мира, самого по себе либо его эманаций и проявлений.[24 - По данному вопросу см. труд Рене Генона Царь Мира, к коему мы неоднократно будем обращаться по ходу нашей работы.]

Глава 6. О «Герое» и «Даме»

Общеизвестно, что учение о Золотом Веке является частью доктрины четырёх эпох, которая иллюстрирует прогрессирующую духовную инволюцию, разворачивающуюся с течением истории с древнейших времён. Все эти эпохи также имеют морфологическое значение и выражают характерную и универсальную форму цивилизации. За Золотым Веком следует Век Серебряный, который соответствует скорее жреческому и женственному, нежели царскому и мужественному типу духовности: мы именуем её лунной духовностью, поскольку между символами золота и серебра традиционно имеется та же связь, что и между солнцем и луной. В данном контексте подобное соответствие становится особенно очевидным: луна есть женское светило, каковое, в отличие от солнца, не содержит в себе самом принцип собственного света. А значит, имеет место переход к духовности, обусловленной созерцательностью, то есть, к духовности экстравертной, характеризуемой склонностью к подчинению, уединённости, любовному или экстатическому восторгу. Именно здесь следует искать корень «религиозного» феномена, от его теистическо-набожных до мирских форм.

Любой бунт дикой и материализованной мужественности против этих духовных форм является признаком Бронзового Века. Век сей характеризуется деградацией воинской касты и её мятежом против того, кто представляет дух, поскольку он не является более олимпийским вождём, но лишь жрецом. Бронзовый Век также отличается разложением принципа, отличавшего касту воинов, а именно, проявлениями с её стороны гордыни, насилия, агрессии. Мифом, соответствующим этому веку, является титаническое или люциферианское восстание, равно как и прометеевская попытка похитить олимпийский огонь. Век «гигантов», эпоха Волка или «стихийных сущностей» – таковы в равной мере его именования, встречающиеся в различных традициях и их фрагментах, сохранившихся в легендах и эпических сказаниях различных народов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

См. гл. 26.

2

См. гл. 23.

3

Ущербность, недостаток (лат.); к этому слову этимологически восходит имя Амфортас.

4

Грааль выступает то как чаша, то как камень в различных контекстах.

5

См. Cath Tanaiste Maige Tuired. Сохранившаяся рукопись относится к XVI в., однако, есть основания считать, что представленный в ней текст создавался в IX–XII вв.

6

См. гл. 14.

7

Henry and Rene Kahane, The Krater and the Grail: Hermetic sources of the Parzival. University of Illinois Press; Urbana, 1965.

8

См. The Krater and the Grail, pp. 61-63.

9

Ibid.

10

«Грааль – это камень особой пор оды: Lapsit exillis – перевода На наш язык пока что нет. Он излучает волшебный свет…» (пер. Л. Гинзбурга).

11

Corpus Hermeticum, IV, 11 (пер. Богуцкого). «Киот, продолжая со мной беседу, Сказал, что нашёл в знаменитом Толедо Сие удивительное сочинение В первоначальном его изложении. На арабском писано языке, Оно хранилось в тайнике…» (пер. Л. Гинзбурга).

12

См. The Krater and the Grail, pp. 122-127.

13

Дабы понять специфическое значение, каковое мы придаём выражению «мир традиции», отсылаем читателей к двум другим нашим работам: Восстание против современного мира и Личина и лик современного спиритуализма. Аналогичный смысл придавали ему Р. Генон и его последователи.

14

Юлиан. К Ираклию кинику. [Цит. по: Император Юлиан. Сочинения. – СПб., 2007. С. 232. – Прим. пер.].

15

R. Guenon, «Le Saint Grail», Le Voile d’Isis (1934), 47-48.

16

Ibid.

17

Предисловие К. Г. Юнга и Р. Вильгельма к Тайне золотого цветка.

18

A. Nutt, Studies on the Legend of the Holy Grail, London, 1888. Также J. Marx, La Legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952.

19

L. von Schroeder, Die Wurzel der Sage vom heiligen Gral, Vienna, 1910.

20

L. E. Iselin, Der morgenlandische Ursprung der Grallegende, Halle, 1909.

21

R. Palgen, Der Stein der Weisen, Breslau, 1922.

22

См. нашу книгу Восстание против современного мира.

23

Гесиод. Труды и дни.

24

По данному вопросу см. труд Рене Генона Царь Мира, к коему мы неоднократно будем обращаться по ходу нашей работы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evola_yulius/misteriya-graalya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить